МАКСИМ КОВАЛЕВСКИЙ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИИ

ТЕРРИТОРИЯ БУДУЩЕГО

Максим Ковалевский

Очерки по истории политических учреждений России

«Территория будущего»

1908

Ковалевский М. М.

Очерки по истории политических учреждений России / М. М. Ковалевский — «Территория будущего», 1908

Тем, кто прочтет предлагаемую книгу, надеюсь, нетрудно будет заметить следующий факт: из восточной деспотии Россия, благодаря реформам Петра Великого, Екатерины и двух первых Александров, становится все более и более европейским государством. И на пути к этому она сперва перенимает учреждения Швеции, Германии, Франции и Англии. Но эта перестройка русского политического строя по иностранным образцам нисколько не помешала сохранению самобытных русских обычаев и институтов; и, правду говоря, законы и регламенты, заимствованные на Западе и привитые к русскому стволу, подверглись сильному воздействию природы последнего. Неудивительно поэтому, если Россия усваивала одну лишь форму, а не дух тех учреждений, которые она копировала. Не этим ли подражанием одной лишь форме нужно объяснить тот факт, что применение европейских учреждений не привело в России к уничтожению остатков неограниченной, деспотической власти, общей всем восточным монархиям? Ибо власть эта в России изменила лишь свою внешность. К единой голове монарха прибавилось сто рук бюрократии, власть которой централизована в единой главе – бюрократии, подобной той, которая была язвой европейского континента в XVII и XVIII веках, – такова современная форма русского правительства.

© Ковалевский М. М., 1908
© Территория будущего, 1908

Содержание

От издателя 5
Предисловие 7
Глава I 9
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Максим Максимович Ковалевский Очерки по истории политических учреждений России

От издателя

Максим Максимович Ковалевский – выдающийся русский ученый, юрист и общественный деятель. Родился в 1851 году в дворянской семье Харьковской губернии. Высшее образование получил в Харьковском университете. Продолжая научные занятия за границей, в Лондоне познакомился с К. Марксом, Ф. Энгельсом, Дж. Люисом и Г. Спенсером. В 1879–1880 Ковалевский участвовал в издании журнала «Критическое обозрение». В 1877 году был избран профессором государственного права и сравнительной истории права в Московском университете, где читал курс государственного права европейских стран, курс лекций по истории иностранных законодательств и др.; занимал эту должность до 1887 года, когда был уволен министром «за отрицательное отношение к русскому государственному строю». Через шесть месяцев после увольнения из Московского университета Ковалевского пригласили прочесть в Стокгольме ряд лекций, посвященных происхождению семьи и собственности. Из Стокгольма он был приглашен в Оксфорд и прочел там курс лекций по истории русского права. В 1889 году он поселился во Франции, приобрел дом на берегу Средиземного моря в Белье и там работал над своими значительными произведениями *Происхождение современной демократии, Экономическая история Европы.* Ковалевский был членом Международного института социологии, стал его вице-председателем в 1895 году и председателем в 1907 году. В 1901 Ковалевский участвовал в основании Высшей русской школы общественных наук в Париже. Он являлся одним из активных членов Общества Социологии в Париже, постоянным сотрудником журнала «Revue internationale de sociologie» и оказывал материальную поддержку этому изданию.

По возвращении в Россию в 1906 году Ковалевский был избран профессором Петербургского университета, где работал в течение 10 лет (1906–1916). Он читал здесь и в Политехническом институте курс общего конституционного права, историю политических учений нового времени, курс о демократии и ее политической доктрине, на Бестужевских курсах – историю демократических доктрин, в Психоневрологическом институте – курс социологии. В 1906 году Ковалевский избирается от Харьковской губернии в первую государственную думу. С 1909 года Ковалевский становится издателем и редактором журнала «Вестник Европы», купленного им у М.М. Стасюлевича. Он являлся одним из основателей сравнительно малоизвестной Партии демократических реформ, просуществовавшей с конца 1905 до конца 1907 г., и издателем газеты «Страна», выходившей в 1906–1907 годах. В 1914 году Ковалевский стал действительным членом Академии наук. Ковалевский был одним из основателей Московского психологического общества. Среди его основных трудов по социологии и политической истории – *Современные социологи* (1905), *Социология* (1910) и *От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму* (1906). Он был инициатором издания 5-томной антологии *Родоначальники позитивизм, а* (1910–1913). Умер Ковалевский 23 марта 1916 г.

Многочисленные ученые труды Ковалевского (его библиография насчитывает 677 единиц) свидетельствуют о широте научных интересов автора и огромной эрудиции. Он с одинаковым знанием дела останавливался как на вопросах, связанных с общей теорией права и социологией, так и на вопросах из истории политических учреждений, истории социального хозяйственного быта, в связи с историей права первобытных народностей.

М.М. Ковалевский является основоположником русской исторической школы права, русской школы медиевистики европейских стран, создателем генетической социологии.

Первые его работы по истории права: *Опыты по истории юрисдикции налогов во Франции с XIV века до смерти Людовика XIV* (М., 1877); *История полицейской администрации в английских графствах с древнейших времен до смерти Эдуарда I* (Прага, 1877, магистерская диссертация); *Полиция рабочих в Англии в XIV веке и мировые судьи, как судебные разбиратели споров между предпринимателями и рабочими* (Лондон, 1876); *Общественный строй Англии в конце средних веков* (М., 1880, докторская диссертация). К этому же времени относятся: *Очерк истории распадения общинного землевладения в кантоне Ваадт* (Лондон, и немецкое изд. Цюрих, 1876); *Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения* (М., 1879), а также методологический этюд *Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права* (М., 1880). Дальше следует ряд работ, посвященных преимущественно вопросам обычного права и истории, первобытного права. Сюда относятся: *Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении* (М., 1886; переведена на французский, 1893); *Закон и обычай на Кавказе* (М., 1887);

Современный обычай и древний закон в России (лекции, читанные в Оксфорде и напечатанные по-английски); *Этюды по русскому обычному праву* (на французском языке). С 1895 года начинает выходить капитальное сочинение Ковалевского по истории права *Происхождение современной демократии* (пять томов); в этом исследовании Ковалевский ставит себе задачей выяснить развитие демократических теорий в связи с историей общественного и политического уклада Западной Европы со времен французской революции. Вопросам социологии посвящены: *Современные социологи, Социология* (2 тома) и ряд статей: *О дарвинизме в социологии, Современные социологи Франции, Прогресс, Генетическая социология* (в «Итогах Науки»), *Социологический очерк истории государства.* Другие труды Ковалевского: *Происхождение мелкой крестьянской собственности во Франции, История Великобритании* (обширная статья, составляющая целую монографию, в «Энциклопедическом словаре» Товарищества Гранат), ряд работ по истории политических учений: *От прямого народоправства к представительству и от патриархальной монархии к парламентаризму* (3 тома), *О политической доктрине Мильтона* и *О Спенсере и Марксе (две жизни)* – в «Вестнике Европы». Важнейшим своим сочинением сам Ковалевский считал *Экономический рост Европы в период, предшествующий развитию капитализма* (на русском языке вышли 3 тома, в немецком издании вышло 7 томов).

О М. М. Ковалевском см.:

Сафронов Б. Г М. М. Ковалевский как социолог. М., 1960.

Куприц Н. Я. Ковалевский. М., 1978.

М. М. Ковалевский в истории российской социологии и общественной мысли. СПб., 1996.

Зоць С. А. Общественно-политическая деятельность и государственно-политические взгляды М.М. Ковалевского. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Орел, 2007.

Предисловие

Несколько времени тому назад, случайно со мною встретившись, профессор Брайс, автор «Американской демократии», выразил свое удивление по поводу отсутствия книг по истории о современном положении русских политических учреждений. Правда, у англичан имеется превосходный труд Меккензи Уоллеса, богатый сведениями, лично собранными автором во время долгого пребывания в России, а у французов – глубоко и хорошо написанное произведение А. Леруа-Болье «Империя царей» («L'empire des Czars»). Но ни один из этих авторов не счел нужным специально остановиться на вопросе эволюции политического режима в России. И я вынужден был присоединиться к удивлению профессора Брайса и даже принять его замечание как косвенное приглашение заполнить этот пробел в источниках для ознакомления европейцев с данным вопросом, составлением краткого очерка развития русских учреждений.

На русском языке есть несколько прекрасных сочинений по этому предмету; но даже лучшие из них – профессоров Градовского и Коркунова – слишком объемисты для перевода на иностранные языки и, если бы они даже были переведены, слишком специальны, чтобы быть понятными неподготовленным читателям. Помимо того, эти работы не захватывают всего поля исследования в области происхождения русских учреждений. И хотя авторы трудов по истории русского права и излагали последний вопрос во многих глубоких и ученых монографиях, но они слишком специально трактовали его, чтобы их труды могли быть доступны иностранному читателю. Предшествуемые авторами по общей истории, трактовавшими прошлое России, как Соловьев, Костомаров, Иловайский, Ключевский, Милюков, русские юристы, занявшиеся изучением нашего правового развития, в течение последних лет, благодаря работам таких лиц, как профессор Сергеевич, Владимирский-Буданов и Дитятин, не говоря о более старых писателях, как Беляев, Чичерин и Дмитриев, создали литературу, могущую выдержать сравнение с французской или английской, в которых исследования этого рода велись особенно энергично в течение последней четверти XIX века. Таким образом, читатель может видеть, что препятствием к написанию книги для общего ознакомления иностранцев является отнюдь не отсутствие материалов о политическом строе России в прошлом и настоящем, а скорее трудность резюмировать огромнейшую массу фактов так, чтобы дать общую картину внутреннего развития России, начавшегося тысячу лет назад и лишь в наши дни достигшего поворотного пункта. Моя цель состоит, следовательно, не столько в том, чтобы представить читателю технические подробности, сколько в том, чтобы дать ему возможность прийти к определенному заключению о развитии наших политических учреждений.

Тем, кто прочтет предлагаемую книгу, надеюсь, нетрудно будет заметить следующий факт: из восточной деспотии Россия, благодаря реформам Петра Великого, Екатерины и двух первых Александров, становится все более и более европейским государством. И на пути к этому она сперва перенимает учреждения Швеции, Германии, Франции и Англии. Но эта перестройка русского политического строя по иностранным образцам нисколько не помешала сохранению самобытных русских обычаев и институтов; и, правду говоря, законы и регламенты, заимствованные на Западе и привитые к русскому стволу, подверглись сильному воздействию природы последнего. Неудивительно поэтому, если Россия усваивала одну лишь форму, а не дух тех учреждений, которые она копировала. Не этим ли подражанием одной лишь форме нужно объяснить тот факт, что применение европейских учреждений не привело в России к уничтожению остатков неограниченной, деспотической власти, общей всем восточным монархиям? Ибо власть эта в России изменила лишь свою внешность. К единой голове монарха прибавилось сто рук бюрократии, власть которой централизована в единой главе – бюрократии, подобной той, которая была язвой европейского континента в XVII и XVIII веках, – такова современная форма русского правительства. Вот почему я и полагаю,

что поворотным пунктом во внутреннем развитии России являются те ограничения, которым бюрократия вынуждена была подчиниться, когда Александр II создал наше местное самоуправление. Естественно последовавшая затем реакция имела, разумеется, одну цель: сохранить господство бюрократии и предохранить Россию от нового преобразования, на этот раз уже центральных учреждений, на той же основе самоуправления. И я не сомневаюсь, что трудности, которые предстоит России преодолеть и которые проистекают из ее внутреннего состояния в настоящее время, имеют своей единственной причиной перерыв в уже начатой эволюции по пути к конституционной монархии. Потеряет от этого, разумеется, одна лишь бюрократия. Этим и объясняется ее враждебное отношение к так называемым «европейским идеям» и ее тенденция к сохранению старых русских начал, являющихся, однако, как читатель сможет в том из дальнейшего изложения убедиться, не столько русскими, сколько византийскими, старофранцузскими и старошведскими.

Глава I
Как Россия сложилась

В учебниках по истории средних веков, излагающих в нескольких словах трудные проблемы происхождения русского народа и государства, мы находим обыкновенно следующий рассказ:

«Во времена Геродота Россию населяли скифы и сарматы; от первых произошли русские, а от вторых – поляки».

Подобное утверждение очень смело и находится в полном противоречии с новейшими археологическими изысканиями. Спросим же себя, каковы главные источники, из которых мы черпаем сведения о народе, некогда населявшем Россию.

Путешественнику, едущему с западного побережья Каспийского моря и пересекающему северную часть Кавказа и южнорусские степи, непременно бросится в глаза огромное количество земляных насыпей, известных под именем курганов. Они составляют наиболее драгоценное сокровище русской археологии, и, по всей вероятности, в близком будущем именно здесь будет найден ключ к разрешению многих загадок в чрезвычайно сложном вопросе о том, какими путями арийские и неарийские народы проникли в Западную Европу. Эти курганы содержат вместе с тем многочисленные следы похоронных обрядов, принимавших форму либо сожжения, либо погребения, а также старинное оружие из камня или иногда из железа, домашнюю утварь для ежедневного употребления, украшения и монеты. Эти последние предметы позволяют уже с некоторой достоверностью определить если не национальность тех, кто воздвиг курганы, то, по крайней мере, эпоху, когда они были воздвигнуты. И по этим курганам, покрывающим поверхность России от морей Каспийского и Черного до Москвы и Смоленска, исследователи заключают о былом пребывании различных племен, некогда населявших нашу страну. Но хотя эти археологические изыскания и велись за последние пятьдесят лет с большой энергией и были изданы такие сочинения, как сочинение графа Уварова о каменном веке в России и профессора Богданова о строении черепа первых жителей Московского округа, тем не менее труд, необходимый для точного установления расовой принадлежности населения России в отдаленные века, не выполнен даже наполовину.

Сведения, получаемые путем археологических изысканий, восходят к той эпохе, когда мамонт жил в малороссийских степях. Многочисленные остатки вроде полных костяков или частей скелета, носящих в глазах некоторых исследователей бесспорные следы первобытного человеческого искусства, были недавно открыты под одной из киевских улиц.

Кроме курганов, этих варварских могил, Россия обладает еще одним источником для исследования культуры населявших ее первобытных племен, источником, на который, сколько нам известно, впервые указал профессор Московского университета Миллер. Это – отдельные слова и целые фразы, чрезвычайно похожие на те, которые еще и в наше время употребляются у осетин, народа арийского происхождения, живущего в северной части Кавказа, слова и фразы, найденные на греческих надписях, оставшихся от многочисленных колоний, которые, как например, Ольвия, были основаны на берегах Черного или Азовского морей за много веков до Рождества Христова. Непонятные для тех, кто впервые их обнародовал, они получили живой смысл с того дня, как Миллер попытался объяснить их путем сличения со словами осетинского языка. Тот же язык дал ему ключ к толкованию многих топографических имен, как например, название реки Дон, Танаис древних: Дон на новоосетинском языке означает воду. Если, вооружившись археологическими открытиями и изучением греческих надписей и топографических названий, мы проверим более или менее легендарные и скудные этнографические

сведения, сообщаемые Геродотом и позднейшими летописцами как греческими и римскими, так и арабскими, византийскими и германскими, то мы придем к следующим выводам:

За много веков до образования в 862 году русских княжеств огромная и почти беспрерывно от Уральского хребта до Карпатских гор простирающаяся равнина была населена кочевыми племенами. Часть из них, как мадьяры и авары, следы которых еще и в настоящее время находят на севере и востоке Кавказа, пришли из Азии и окончательно основались на среднем течении Дуная и на Балканском полуострове. Другие, как болгары, после долгого пребывания на берегах Волги, вынуждены были под напором новых завоевателей – хазар переселиться на места, занимаемые ими ныне, у берегов Черного моря, оставив на Западном Кавказе ветвь, еще известную под именем балхари. Из племен, пришедших из Азии, осетины – арийской культуры, что доказывается их языком и грамматикой, основались к югу от Дона на обширной территории, которая в позднейшую эпоху была отчасти занята новыми завоевателями – татарами и кабардинцами. Осетины создали социально-правовую организацию, подробно нами описанную[1], которая признается изучающими историю Древней Греции за лучший образец жизни во времена Гомера и первых дорийских завоевателей Пелопонесса. Весьма вероятно, что осетины не были единственным народом арийского происхождения, поселившимся на юге России. Тот факт, что греческие надписи содержат слова одного корня с осетинскими, но в настоящее время сильно от них отличающиеся, заставляет нас думать, что сарматы, упоминаемые Геродотом, который отметил их отличие от более диких скифов, именно и были этим ядром оседлых арийских племен. Если гипотеза долгого пребывания арийцев в южной России после их переселения из Азии удержит свою позицию среди соперничающих с нею гипотез, то описанные нам осетинские обычаи приобретут для изучающих древнюю арийскую историю значение единственного пережитка быта, чрезвычайно похожего на тот, описание которого находят в старых индусских сводах, в Илиаде и Одиссее, в легендах кельтов и в законах брегонов древней Ирландии.

Переселение в Россию арийских и неарийских народов заставило финские племена, некогда ее населявшие, отодвинуться далее на север. Уже в те времена, когда впервые было составлено или заимствовано, вероятно, из византийского источника введение к русским летописям, так называемая «Повесть временных лет», финские племена, отмеченные готским историком Иорнандом как подвластные Германрику и его товарищам по оружию жили на берегах Оки и ее притоков и по северному течению Волги. Сказания карельцев, собрание которых образовало своего рода эпическую поэму – Калевала, содержат немало указаний на пребывание сложивших их племен в местностях, расположенных южнее их теперешнего места поселения. Финские племена, в свою очередь, оттеснили на Крайний Север лопарей и самоедов, которых многие этнографы считают почти единственными в настоящее время потомками древнейших обитателей северной России и которые хранят еще воспоминания о былой жизни в более умеренном климате.

Что касается до славян, составляющих ядро народонаселения России, то они были уже известны Иорнанду под именем антов и венедов. В настоящее время обыкновенно признают, что они переселились в Россию с Карпатских гор. Византийские летописцы VI и начала VII вв., говоря о славянах, которых они называли склабои – название, появляющееся с конца v столетия, различают среди них две ветви: антов, живших от Дуная до устья Днепра, и собственно славян, живших на северо-востоке от Дуная вплоть до верховьев Вислы и правого берега Днестра. В этом отношении свидетельство византийских летописей совпадает с указаниями готского историка, Иорнанда. Некоторые из русских ученых, между прочим и профессор Ключевский, предполагают, что до поселения своего на Дунае славяне жили вблизи Карпат, откуда, пытаясь переправиться через Дунай, они вторглись в пределы византийской империи. Начав-

[1] М. Ковалевский. Осетинское обычное право в сравнительно историческом освещении.

шись в III веке, эти захваты закончились тем, что славяне проникли в Южную Австрию и на Балканский полуостров. Однако, по свидетельству наших древнейших летописей, некоторые из племен, населяющих в настоящее время Кроацию, даже в x веке находились еще на склонах Карпат. Арабская летопись первой половины IX столетия, а именно летопись Масуди, говоря о восточных славянах, называет их Valinana – термин, тожественный с русским словом «волыняне», то есть жители Волыни – местности, расположенной на южном склоне Карпат. По свидетельству Масуди, эти волыняне главенствовали над всеми другими славянскими племенами; но возникшие между ними споры нарушили их единство и раскололи их на отдельные племена – каждое с собственным начальником во главе. Неудивительно поэтому, что при таких условиях они стали вскоре добычею аваров. В старейшей русской летописи, сообщающей дальнейшие подробности об обращении победителей с покоренными славянами (авары известны автору под именем обры) отмечен тот же самый факт. Вместо быков обры запрягали в телеги славянских женщин. Сообщая про это, летописец говорит о дулебах, как о народе угнетенном, и, таким образом, приводит нас к заключению, что уже в VI веке, когда произошло это нашествие аваров, славяне, жившие в Волыни, вблизи Карпат, были известны под именем дулебов. И именно из этой местности они переселились на восток, в Польшу и Россию [2]. Византийские летописцы VI и VII вв. Прокофий и император Маврикий, которому лично пришлось сражаться со славянами, говорят о них, как о постоянно кочующем народе: «Они живут в лесах и по берегам рек небольшими селениями; они всегда готовы переменить место жительства». В то же время эти летописцы упоминают о них как о народе, питающем чрезвычайную любовь к свободе.

«С древнейших времен, – говорит Прокофий, – славяне всегда жили демократическими обществами: свои нужды они обсуждали на народных собраниях» (глава XIV, Gothica). «Славяне любят свободу, – пишет император Маврикий, – они не выносят над собою неограниченной власти и подчинить их нелегко» (Strategicum, глава XI). Так же отзывается о них и император Лев. «Славяне, – говорит он, – народ свободный и чрезвычайно враждебный всякому подчинению» (Tactica sen de re militari, глава XVIII). Если византийские историки не говорят больше о вторжении славян в пределы империи во второй половине VII столетия, то объясняется это тем, что эмиграция их получила тогда другое направление: от Карпат они потянулись к Висле и Днепру. Таким-то образом в Мекленбурге, Люнебурге и Гольдштейне, между Лабой и Одером и Одером и Вислой поселились славянские племена оботритов, венедов или лютичей и поморян. Они быстро в течение XIII и XIV вв. онемечились и почти окончательно исчезли в xv веке, оставив по себе кое-какие следы в Люнебурге и Померании, где их еще отличают под именем вендов или гловинцев.

Польские и русские славяне были известны под разнообразными прозвищами, как это явствует из «Повести временных лет». Но прежде чем сослаться на ее свидетельство, полезно будет обратить внимание на то, что иные из имен, употребляемых нами для обозначения различных ветвей одного и того же славянского народа, имеют происхождение родовое; таков оканчивающийся на *ич* суффикс, употребляемый и теперь для обозначения прямого нисходящего родства в первой степени. Но большая часть имен, даваемых летописью, определяет лишь характер местности, занятой данным народом, – поле ли это или лес, географическое положение, например север (северяне). Отсюда и трудность определить, в какой мере то или иное племя может считаться родоначальником нынешнего славянского народа. Например, мы еще не в состоянии сказать, происходят ли поляки от полян – от слова *поле*, – как полагают некоторые славянские писатели (между прочим, Первольф), или же от лехов – имени, встречающемся у начального летописца, когда он говорит об одном из последних переселений восточных славян, переселений двух племен – радимичей и вятичей. По преданию, сообщаемому

[2] Ср. Ключевский. Лекции по русской истории.

летописцем, они являются потомками двух братьев, живших среди лехов. Не найдя свободной земли на западном берегу Днепра, эти племена вынуждены были перейти реку и поселиться: радимичи – на берегах одного из восточных притоков Днепра, реки Сожи, а вятичи – к востоку от радимичей у верховьев реки Оки. То обстоятельство, что эти племена, явившиеся, так сказать, последними славянскими эмигрантами, пришли из страны лехов, кажется профессору Ключевскому подтверждением теории, по которой славяне переселились в Россию с подножья Карпат. Страна, лежавшая у подошвы этих гор, как мы видели – древнее местожительство кроатов, считалась, следовательно, в IX веке в эпоху, к которой относится приводимая летопись, страною лехов или поляков. Кроме этих позднейших эмигрантов, «Повесть временных лет» указывает нам по другую сторону Днепра на полян и северян, то есть на жителей полей и жителей Севера. Страна первых может быть отождествлена с Киевской, а вторых – с Черниговской губернией. Еще севернее – у источников Днепра, Западной Двины и Волги – мы находим в это время кривичей, одна ветвь которых – полочане – поселилась на берегах Двины. Ближе к западу, между реками Двиною и Припятью, жили племена, известные под именем дреговичей. По южным притокам той же Припяти в обширных лесах рассеяны были древляне. Еще далее на запад, по берегам Западного Буга, обитали волосняне и дулебы, а самая северная ветвь славян занимала берега озера Ильмень и впадающей в него реки Волхов. Летописец называет ее новгородскими славянами.

Этот беглый обзор славян, населявших Россию в IX веке, в эпоху основания первых княжеств, интересен для нас постольку, поскольку показывает, что Днепр со всеми его многочисленными притоками справа и слева составлял на огромном протяжении восточную границу славянских поселений.

Предел этот был нарушен лишь вятичами, которые раскинулись на северо-восток до верховьев Оки. На севере славяне достигали обширной Валдайской возвышенности, откуда берут начало величайшие русские реки, и южной части Великой Озерной области, а именно озера Ильмень. Остальная часть обширной территории, простирающейся от Днепра до Волги, была занята на севере полу-оседлыми финскими племенами, из коих некоторые уже исчезли: весь – на Белом озере, меря – в области, занятой в настоящее время Московской и отчасти Ярославской губерниями, мещеряки – в нынешней Рязанской губернии и мордва – племя, занимавшее пространство на восток от последних до Нижнего Новгорода, а в настоящее время населяющее, кроме обоих берегов Волги, часть берегов Яика. Дальше на восток жили народы финского племени – черемисы, вотяки и пермяки: первые – между Волгой и Вяткой, остальные два – по Каме. На севере в губернии Вологодской и особенно в Мезенском уезде и губернии Архангельской жили зыряне [3].

К востоку от названных племен жило некогда племя, называвшееся угры; в настоящее время оно исчезло из Северо-Восточной России, где ему не раз приходилось сталкиваться с новгородскими славянами, колонизовавшими страну. Часть этого племени переселилась на Урал и, по словам профессора Анучина, известна теперь под именем вогулов и остяков, занимающих пространство – по крайней мере, последние – вплоть до Тобольской губернии и даже до западной части Томской. Рядом с этим важно отметить, что многие финские народцы, особенно черемисы и мордва, жили к западу от Волги. Черемисы во внутреннем бассейне реки Оки, а мордва – в непосредственном соседстве со славянами – факт, отмеченный Константином Багрянородным в его сочинении «Об управлении империей». Багрянородный называет их Мордия (Mordia), тогда как Иорнанд отмечает их в качестве народа, покоренного готским королем Германриком, и называет Мордан (Mordans).

В то время как северная часть территории, расположенной к востоку от Днепра, была занята перечисленными финскими племенами, ее южная часть сделалась добычей завоевате-

[3] Часть этого племени смешалась с народами туранской расы и известна в наше время под именем чувашей.

лей-кочевников неизвестного происхождения. Это были, между прочим, печенеги и половцы; русским княжествам приходилось бороться с ними в течение XI и XII вв., пока на смену им из империи Чингисхана не пришли татары. В первый раз татары вторглись в Россию в 1224–1226 годах; семнадцать лет спустя они под предводительством внука Чингисхана, Батыя, завладели половецкими и славянскими землями, опустошили Валахию и в битве под Либницем обратили в бегство монархов Польши и Германии. В конце концов, татары осели и поделились на орды. Главная из них расположилась вдоль одного из рукавов, образуемых Волгой при впадении ее в Каспийское море. Это военное поселение, находившееся недалеко от того места, где теперь стоит Царев, называлось Сарай.

Мы ушли, говоря о татарах, далеко за пределы периода первых славянских поселений в России; нам приходится поэтому вернуться назад и бегло познакомиться с другими факторами, участвовавшими в создании России.

Чтобы познакомить вас в общих чертах с происхождением первых русских княжеств, достаточно будет привести свидетельство начального летописца: новгородские славяне вместе с кривичами и жившими вблизи озер финскими племенами обратились к некоторым иностранным князьям с просьбой прийти «володеть и княжить» над ними. Ближайшей причиной этого акта была невозможность оградить себя от набегов и поборов различных полукочевых племен, одно время сохранявших спокойствие под владычеством хазар, государство которых, основанное в VIII веке, лежало на берегах Волги и Дона. Народ этот, туранского происхождения, сделался к этому времени оседлым и торговым. Подчинив себе волжских болгар и позволив арабским и еврейским купцам селиться среди них, хазары основали на нижнем течении Волги могущественное государство со столицей Итиль. Вскоре под влиянием живших среди них евреев они обратились в иудейство. Когда в IX веке могущество их начало падать, купцы, сплавлявшие товары по течениям рек, лишились защиты от набегов и грабежей диких племен, вроде печенегов [4]. Славянам чрезвычайно было трудно отражать набеги таких воинственных кочевников, так как в это время наши предки жили отдельными племенами, не признавая над собой другой власти, кроме старейшин. Касаясь их быта, летописец говорит: «Каждый человек жил со своими родственниками, и эти группы сородичей составляли отдельные поселения». Для обозначения этих групп летописец употребляет слово *род*. В мирное время роды эти обыкновенно собирались для обсуждения общих дел. Говоря о решениях, принимавшихся сообща, летописец употребляет выражение: «снидошася вкупе». По-видимому, этот обычай был общим для всех славянских народов, начиная с балтийских и кончая чехами и поляками. Гельмголд и Дитмар говорят об общих собраниях всех славян балтийского побережья и об их единогласных решениях; а латинские летописцы употребляют выражения conventus generale, colloquium или generalis curia, определяя, таким образом, состав народных собраний в Богемии и Польше. У русских славян эти народные собрания были известны под именем *вече*. Вече было, как это точно установил профессор Сергеевич, существенной частью политических учреждений не только в наших северных народоправствах – Новгороде и Пскове до самого конца их существования, но также во всех русских княжествах, за исключением одного из последних по времени основания – Московского.

К числу наиболее старинных прав народного собрания принадлежало и право выбора главы государства. По свидетельству летописца, именно этим правом воспользовались славяне, отправив послов к варягам и призвав к себе на княжение Рюрика из племени Русь. Летописец говорит, что к этому их принудили внутренние междоусобицы – «восстал род на род». Из какого именно племени пригласили, как говорит летописец, новгородские славяне и жившие по соседству с ними финны князя для правления и суда над ними? – Вопрос этот, по-

[4] В древнейших летописях мы находим на этот счет кое-какие сведения. Они сообщают, как в 867 году два военачальника Аскольд и Дир назначали печенегам сражение вблизи Киева.

видимому, разрешен изысканиями датского историка Томсена. Он показал, что слово *варяг* есть славянорусская форма скандинавского слова *wering* или *warang*. Разбирая имена первых русских князей варяжского происхождения, мы находим, что это имена скандинавские; так Рюрик в скандинавских сагах известен под именем Hrorrek; его брат Трувор под именем Thorvardr; ближайший родственник его, Олег, под именем Helge с придыханием на первом слоге; следующий за ним русский князь Игорь называется в сагах Ingvar, а жена его Ольга – Helga, варяжский завоеватель Киева Аскольд слывет за Hoskulde. Причина, благодаря которой славяне и финны обратились к скандинавским князьям, а не к каким-нибудь другим, или, вернее, по которой они вынуждены были им покориться, заключается в том, что еще задолго до того варяги, как указывают византийские и арабские летописцы, спускались вниз по течению Днепра и Волги, желая достичь либо берегов Черного моря и оттуда Константинополя, либо Каспийского и столицы хазар.

Арабский писатель Ибн Фоцлан встретил на берегах Волги членов племени, называвшегося Русью, и о людях из этого племени он отзывается как о полукупцах, полувоителях. Он дает нам чрезвычайно живое описание их обычая сжигать мертвецов вместе с их имуществом, женами и слугами, – род погребения, чрезвычайно похожий на практиковавшийся у скандинавских народов. Ибн Фоцлан встретил членов племени Русь, как я сказал, на Волге; но древнейшие из русских летописей и некоторые западные говорят о военных отрядах, которые, находясь на службе у таких начальников, как Аскольд, шли за добычей в Константинополь, и об одном посольстве этого племени, прибывшем в Византию и отправленном оттуда к внуку Карла Великого, Людовику Кроткому. Последний случай относится к 839 году. Латинский историк прибавляет, что в тех, кто составлял посольство, узнали шведов. Нет ничего удивительного в том, если книги, основывавшие в те времена новые государства в Исландии, Нормандии и Сицилии, стали также хорошо известны и в Восточной Европе своими экспедициями полувоенного, полуторгового характера. Некоторые из них поселились со своими дружинами в Новгороде, тогда как другие основались на Белом озере и в Изборске [5], а третьи – именно Аскольд и Дир – на Днепре, в Киеве. Последние вскоре были покорены одним из членов Рюрикова рода Олегом, объединившим, таким образом, оба княжества – северное и южное.

Из Киева потомки Рюрика продолжали свои набеги на Константинополь, которые иногда заканчивались заключением торгового договора, вроде договоров Олега и Игоря. Оба эти договора дошли до нас в том виде, как их передает так называемая летопись Нестора.

В наши задачи не входит дать хотя бы и краткое описание того, каким путем варяжские княжества России на время объединились под управлением единого главы, а затем снова разъединились после смерти Ярослава, сына Владимира Святого, названного так за введение в России православия. Достаточно будет указать, что, начиная с XI века, Россия разделилась на множество высших и низших княжеств, управлявшихся членами одной и той же династии Рюрика и подчиненных более или менее номинально великому князю Киевскому. Русская удельная система приближалась, таким образом, к феодальным монархиям Западной Европы того же периода. Само собою разумеется, что подобная система ослабляла силу сопротивления России чужеземным завоевателям и в то же время вела к непрерывным войнам среди мелких князей.

Образ правления, установившийся в этих княжествах в XI, XII и XIII столетиях, далеко не был самодержавным. Народ сохранял свое старинное право обсуждать на народных собраниях текущие государственные дела. Народные собрания известны были в Древней России под именем *вече.* Говоря о людях, созывавшихся на эти собрания, летописи коротко отмечают присутствие всех граждан определенного городского округа. Неоднократно также встречаются в рассказе выражения вроде следующих: «люди нашей земли», «вся земля галичская»

[5] В этом кроется смысл легенды о трех братьях: Рюрике, Синеусе и Труворе, воселившихся со своими дружинами в указанных выше местах.

и т. п. Отсюда явствует, что мы имеем дело с собранием совершенно демократическим. Из этого, однако, не следует, что на собрания созывались все жители города. Вече было собранием не столько всего народа, сколько глав семейств или дворов, обозначаемых в первом русском судебнике – *Русской Правде* Ярослава – именем *верви.*

Довольно часто неизвестные авторы русских летописей намекают, по-видимому, на то, что участники народного собрания принимали известные обязательства не только на себя, но и за своих детей. Например, киевляне, собранные на вече, заявляют в 1147 году как от своего имени, так и от имени своих детей, что они будут бороться против Олегова дома, одной из ветвей династии Рюрика. Это заявление ясно показывает, что дети не участвовали в народном собрании; причиной этого могла быть их личная зависимость от глав нераздельных семей. Все те, кто не мог свободно располагать собой, были исключены из вече; таково, именно, было положение членов неразделившихся семей, а также лиц, потерявших свободу на войне или попавших в кабалу за долги. В обществе, построенном подобно древнерусскому на принципе кровного родства, неразделившиеся семьи были, несомненно, многочисленны; то обстоятельство, что одни лишь главы этих семей созывались на народное собрание, естественно ограничивало число его участников. Поэтому легко понять, что одной большой площади, вроде киевской или новгородской, на которой стояли княжеские дворцы, вполне хватало для народного собрания, хотя бы и при полном его составе, несмотря на то, что на вече допускались не одни лишь горожане, но и жители предместий и даже лица, случайно попавшие на него из городов. Летописи весьма часто отмечают присутствие на вече людей «черных сотен», «смердов и *подлых крестьян»* (термин, означавший земледельческое население страны).

Русское вече допускало лишь *единогласное* решение общественных дел. Каждый раз, когда летописцу приходится говорить о его постановлениях, он употребляет выражения вроде следующих: «Всеми старшими и младшими на вече было решено» и т. д.; «все были единодушны в своем желании»; «все думали и говорили, как один человек» и т. д. Когда добиться единодушия не удавалось, то меньшинство, если только оно не успевало переубедить членов большинства, было вынуждено присоединиться к его решению. В обоих случаях вече проводили целые дни в обсуждении одних и тех же вопросов, прерывая занятия лишь для уличных боев. В Новгороде эти бои происходили на мосту, проложенном через Волхов, и сильнейшая партия иногда сбрасывала своих противников в реку. Значительному меньшинству весьма часто удавалось приостановить исполнение мероприятий, уже принятых вече, но когда оно бывало слабым, воля его быстро сламывалась грубым актом насилия.

Компетенция русских вече была столь же обширна, как и подобных же политических собраний у славян, западных и южных. Неоднократно вече избирало главу государства с тем, однако, ограничением, что выбор не должен был выходить из границ Рюрикова дома, так как русские полагали, что, кроме этой династии, никто не имеет права осуществлять верховную власть. Народное собрание могло, однако, отдавать свое предпочтение той или другой ветви Рюриковичей; например той, которая шла по прямой линии от Владимира Мономаха, из нее Киевское вече и выбирало своих государей. Оно было также свободно высказаться в пользу младшего члена Рюрикова дома, несмотря на кандидатуру более старшего. Часто сделанный выбор находился в резком противоречии с законным порядком наследования, соблюдавшимся династией Рюрика. Этот порядок сильно походил на ирландскую *tanistry*, в силу которой главой государства считался старший представитель правящего рода. На деле порядок этот требовал обыкновенно перехода наследства к оставшемуся в живых брату умершего, а не к его старшему сыну. Нередко также насилие решало вопрос, какая система – свободного ли выбора или законного наследования – должна взять верх. Это так называемое «добывание стола».

Каков бы ни был исход подобной борьбы, новый государь допускался к осуществлению верховной власти лишь после подписания своего рода договора или «ряда»; им он обязывался сохранить права тех, кем призван был княжить. Эти чрезвычайно любопытные документы,

известные *ряды,* сохранились, к сожалению, лишь в одном Новгородском княжестве, что и заставило многих ученых думать, будто право заключения договоров с князем было ограничено одним этим северным княжеством. Профессор Сергеевич первый доказал при помощи многочисленных выдержек из русских летописей, что договоры, подобные новгородским, были известны всей России. Неоднократно упоминается в них о князе, который взошел на престол благодаря соглашению с киевлянами (с *людьми Киева утвердися).* Эти договоры между князем и народом – поскольку мы можем познакомиться с ними по нескольким образцам, сохранившимся в новгородских летописях – представляли собою род конституционной хартии, обеспечивавшей народу свободное пользование его политическими правами, каковы – право народного собрания обсуждать общественные дела и выбирать главу государства. Последнее право уже было гарантировано Новгороду общим съездом русских князей, состоявшимся в 1196 году. В тексте постановлений этого княжеского съезда мы читаем, что *все князья признают свободу, которою пользуется Новгород, свободу выбирать себе князя отовсюду, откуда бы он ни пожелал.*

Укажу и на другие ограничения княжеской власти: война не может быть объявлена *без ведома Новгорода*; ни один иностранец не может быть назначен *волостелем*; ни одно общественное должностное лицо смещено без законного основания, признанного таковым судебным установлением.

Анализ договора, подписываемого князем при вступлении его на престол, уже выяснил для нас некоторые функции вече. Вопросы войны и мира обыкновенно решались им. Никакая война не могла быть предпринята без народного согласия, так как при отсутствии постоянной армии князь не мог собрать другого войска, кроме милиции. Мирные и союзные договоры также подписывались именем князя и народа, как можно видеть из следующих слов договора Игоря с Византийской империей в 945 году: «Этот договор заключен великим князем русским, всеми другими князьями и всем народом земли русской». Правда, иногда князь объявлял войну против своего народа, но тогда он должен был рассчитывать исключительно на своих собственных воинов, на свою *дружину,* институт, весьма сходный с древнегерманским *comitatus* (geleit). Пока система раздачи земель за службу оставалась неизвестной, и князь мог награждать своих воинов лишь тем, что он брал на войне, дружина его была далеко не многочисленной. Это и вынуждало князя обращаться за содействием к вече всякий раз, когда он считал необходимым начать войну. Вече либо соглашалось на его требования и приказывало набирать войска, либо же совершенно отказывало ему в помощи; в последнем случае князю не оставалось ничего другого, как отказаться от своего намерения или же отречься от престола.

Из этого очень краткого и неполного очерка древнерусских народных собраний можно видеть, что средневековая Россия представляла собою федерацию княжеств, почти несвязанных друг с другом, в которых народу в большей или меньшей степени принадлежали обыкновенно различные суверенные права. И это отсутствие прочной связи, разумеется, ослабляло силу сопротивления России чужеземным завоевателям, поддерживало мелкие княжества в состоянии постоянной войны друг с другом и делало их легкой добычей для восточных кочевников, начиная с половцев и кончая татарами.

Выше мы показали, что славяне не были первыми насельниками России, что, по крайней мере, на юге в ту отдаленную эпоху, когда на Черноморском и Азовском побережьях основывались греческие колонии, жили народы арийского происхождения и что рядом с этими народами в южных же областях оставили следы своего пребывания в период их переселения из Азии в Европу многие туранские племена, начиная с венгров (угры или обры русских летописцев) и кончая болгарами, которые владели некогда могущественной империей и подчинили себе различные финские племена, но были уничтожены и отчасти замещены другим туранским племенем – хазарами. Последним славяне, переселение которых из пределов Карпатских гор началось во второй половине VII столетия, иногда должны были платить дань. Когда могущество

хазар ослабело, находившиеся под их владычеством печенеги и позже половцы стали обычными врагами славян и мешали их расселению за восточной границей Днепра и его притоков. Более мирные отношения между славянами и финскими племенами, населявшими область больших озер и растянувшимися к югу до берегов Оки и ее притоков, в том числе и реки Москвы, привели к образованию смешанных княжеств под управлением иностранных государей скандинавского происхождения. Другие вторжения – всегда с восточной стороны, завершившиеся в XIII веке занятием татарами всего юга и юго-востока России, не только положили конец существованию самостоятельных славянских государств в южной России, но также сделали ее западную часть легкой добычей для литовских завоевателей из дома Гедемина. Это новое покорение подготовлено было тем обстоятельством, что огромное число жителей стали убегать перед татарскими опустошениями и скрывались в лесах и болотах. Княжества, расположенные в верхнем течении Волги, равно как свободные республики Новгородская и Псковская, продолжали одни покрывать славянскими колониями север и восток России. Эта колонизация приняла простую форму: она состояла в учреждении факторий и постройке укреплений по течениям больших рек, таких как Волга и Кама, Урал и Яик, Двина и Печора.

В центральной области современной России, которую сперва населяли финны, позднейшая славянская колонизация привела к образованию великорусского племени смешанной крови, как это уже видел читатель. Этот-то народ и объединили под своим господством московские князья и впоследствии цари, в то время как более южные и более западные ветви славян составили под властью сначала литовских, а затем польских князей племена малорусское и белорусское. Каждое из них говорит на особом наречии еще и теперь, по крайней мере, в деревнях.

Значение московской державы и установивших ее великороссов сильно выросло с уничтожением татарского могущества и последовательным присоединением различных ханств, на которые распалась Великая Орда, лежавшая у устьев Волги. Эта политика, начатая при Иване iv завоеванием ханств Казанского и Астраханского, счастливо завершилась при Екатерине II присоединением крымских татар. Можно было бы даже сказать, что распространение русского могущества на государства, некогда находившиеся под монгольским игом, продолжалось почти до наших дней. Многие части Закавказья, ставшие русскими лишь в последнем столетии, заселены татарами; а Туркестан, равно как и Закаспийская область, приобретенные Россией при Александре II, заняты тюркскими племенами. Таким образом, число национальностей, находящихся под русским господством, увеличилось и татарами, каковы казанские, астраханские, крымские, и народами самого разнообразного происхождения, некогда подвластными татарам. Из числа последних достаточно отметить киргизов и башкиров. Но, помимо этих присоединений и задолго до покорения татар Россией, уральский или яицкий казак Ермак начал при Иване iv присоединение сибирских народов, часть которых находилась под властью некоего Кучума. Это расширение русского господства на северо-восток продолжалось непрерывно вплоть до царствования Николая I, когда оно достигло берегов Амура. Чукчи и камчадалы у Берингова пролива, гиляки на Амуре и сахалинские айны поглощаются Россией без большого сопротивления; иначе обстоит дело с тунгусами и остяками; эти народы быстро вымирают. С другой стороны, якуты призваны, по-видимому, к более долгому существованию, что в одинаковой мере может быть сказано относительно большей части племен на Кавказе и в Закавказье, покоренных Россией либо перешедших добровольно в русское подданство. Мы не будем пытаться перечислять здесь хотя бы приблизительно все эти народы. Назовем, однако, наиболее замечательных из них – грузин и армян, составлявших ранее одно королевство – Грузию и добровольно отдавшихся под власть России. Покорение горцев Кавказа было задачей более трудной. Некоторые из них, например жители Абхазии, предпочли или точнее были вынуждены выселиться из России. Случилось это в середине XIX столетия, но десятками лет ранее часть крымских татар также покинула Крым. Но большинство туземного населения наших южных окраин,

начиная с кабардинцев на Западном Кавказе и кончая черкесами, чеченцами, кумыками, лезгинами и еще пятьюдесятью или шестьюдесятью мелкими дагестанскими племенами, предпочло остаться под русской державой. Со времени сдачи Шамиля Восточный Кавказ так спокоен, что мне легко было проехать его из конца в конец без всякого конвоя. Трижды мне приходилось также проводить недели и месяцы в высоких долинах Грузии и Мингрелии, не имея при себе другого оружия, кроме перочинного ножика. Все туземные племена замечательно добродушны и гостеприимны. Несомненно, однако, что большею нравственностью отличаются те из них, которые приняли магометанство, нежели оставшиеся христианами, как грузинские горцы, так как последние исповедуют христианство чисто внешним образом, так что с Христовым учением уживаются у них языческие предрассудки и следы дохристианской нравственности.

Задача определить происхождение и природу языков, на которых говорят все эти народы Кавказа и Сибири, далеко еще не может считаться выполненной. Некоторые дагестанские наречия были исследованы бароном Усларом (Ouslar). Единственная народность, грамматика которой была научно разработана настоящим языковедом, профессором санскрита Всеволодом Миллером, это – осетины. Относительно сибирских племен мы можем ждать серьезных исследований лишь в будущем. Определить происхождение всех этих народов чрезвычайно трудно; примером этой трудности могут служить, например башкиры и калмыки. Первые – смешанное племя, финско-туранского происхождения; они известны были еще арабским писателям x столетия и позже итальянским путешественникам XIII и XIV вв., главным образом Плано Карпини. Калмыки пришли из Китая. Во времена Алексея Михайловича, т. е. в XVII в. число их было достаточно велико, чтобы угрожать русскому господству в восточных губерниях Европейской России. Начиная с этой эпохи большинство калмыков обратно перешло границу и вернулось на место своего прежнего пребывания, тогда как меньшинству открыта доселе возможность вести свои кочевья в степях Астраханской и отчасти Ставропольской губерний. Калмыки имеют свою особую организацию и буддийское духовенство – черты, общие с другим народом неизвестного происхождения – с сибирскими бурятами, имеющими независимое церковное устройство.

Я готов настаивать на необходимости возможно скорого изучения языков этих полуварварских народностей, так как большинство их находится на пути к полному исчезновению. Остяки и тунгузы, например, вымирают; причиной этого являются, по-видимому, эпидемические болезни, неумеренное употребление спиртных напитков и, до известной степени, то обстоятельство, что переселенцы, приходящие из Европейской России, завладевают лучшими землями. Леса поредели или совершенно уничтожены. Охотничьи и пастушеские племена Сибири неспособны приноровиться к новым условиям существования и часть их гибнет с голоду. Немецкий писатель, профессор Брюкнер, хорошо знакомый со всем сказанным, считает тем не менее за благо для цивилизации распространение русского господства в Азии. Я, разумеется, не стану спорить с ним, но должен заметить, что распространение русского господства влечет за собой необходимо исчезновение в более или менее отдаленном будущем туземных племен. В этом отношении русские находятся в тех же условиях, что и англичане или американцы, колонизирующие индейские земли. Можно, однако, сказать, что разница между русским крестьянином-переселенцем и туземцем Сибири в отношении к его культуре менее значительна, чем англичанина или янки и краснокожего. Русским колонистам и племенам Сибири легче жить поэтому бок о бок в полном согласии. В некоторых местах целые русские деревни переняли одежду, нравы и обычаи местного населения. Так, на Кавказе казаки, на которых возложена была обязанность наблюдать за черкесами, стали чрезвычайно походить на них своим видом. Равным образом в Сибири встречаются русские переселенцы, успевшие «объякутиться».

В то время как на востоке расширение России не встречало никакого серьезного препятствия, по крайней мере с момента падения татарского могущества, – на западе дело обстояло

далеко не так. Объединившись в XVI столетии, Литва и Польша образовали большое и могущественное государство, которое долгое время мешало русским объединить под своим господством все ветви восточных славян. Начиная с Ивана Грозного, русские цари вели с поляками беспрерывные войны из-за расширения своей западной границы. Смоленское княжество весьма часто переходило из рук русских государей в руки польских и наоборот. В 1611–1612 годах был даже поднят вопрос о том, не должна ли сама Москва получить польского короля. Вопрос этот был, в конце концов, решен в пользу русской самобытности, но Смоленск вскоре снова перешел в руки поляков. И лишь в царствование Алексея Михайловича, второго царя из дома Романовых, Польша должна была уступить России не только это долго оспаривавшееся владение, но даже всю южную часть своей собственной территории. Населенная казаками, она восстала из-за притеснений, чинившихся православной церкви, из-за попытки, оказавшейся, в конце концов, бесплодной, если не обратить народ в католицизм, то, по крайней мере, привести его к внешнему подчинению папе – попытки известной под названием «унии» и декретированной, если не установленной, на Флорентийском соборе (в xv веке).

1654 год, видевший конец господства Польши над Малороссией, был также началом расчленения этой великой и рыцарственной монархии. Это расчленение сильно подвинулось вперед при Петре Великом, когда к России была присоединена часть балтийских провинций, – яблоко раздора между поляками и шведами. Три последовательных раздела Польши в царствование Екатерины II не прекратили, разумеется, страданий этого доблестного народа, плохо управлявшегося эгоистической аристократией. Покорив поляков, за исключением галицийских и познанских, Россия присоединила к себе еще ранее балтийские провинции с их смешанным населением из немецких дворян – прямых потомков рыцарей, меченосцев и покоренных ими в XIV столетии язычников-туземцев – ливов и эстов. Последние известны были еще начальному летописцу под именем чудь. Эсты, финского происхождения, живут по всей Эстонии; ливы – той же семьи – дали свое имя Ливонскому краю (или Лифляндской губернии). С тех пор они почти совершенно исчезли на занятой ими прежде территории, но еще представлены в Курляндии. Массу населения прибалтийских губерний составляют теперь латыши, народ литовской семьи и, следовательно, арийского происхождения. Куры, давшие свое имя Курляндии, являются ветвью той же семьи. Население западных губерний России состоит главным образом: 1) из поляков, которых считают потомками древнего племени лех или ляхов, упоминаемого летописью Нестора; 2) из литовцев, живших на Висле и Немане; 3) из другой ветви литовского народа жмуди, живущей в западной части Ковенской губернии и из 4) белороссов в губерниях Могилевской и Минской, и отчасти также в Гродненской и Виленской.

Но Польша не была единственной страной, которой приходилось терпеть от захватов разрастающейся России. Той же участи подверглась и Швеция. Под предлогом, что многие финские провинции входили в состав территории знаменитого северного города-республики, Новгорода, Петр Великий потребовал и отобрал у шведов берега Невы, где и построил новую столицу, Петербург. Затем для обеспечения мирного существования русской державы на Финляндском заливе он и его преемники присоединили сначала южные губернии Финляндии, а затем, в царствование Александра I, и остальную часть ее. Но в то же время они даровали этой стране свободное народное представительство и признали все ее старинные права и преимущества[6].

---

[6] Население Финляндии, за исключением небольшого числа шведов, составляющих высший слой, и немногих русских, состоит почти исключительно из финнов, делящихся на две ветви – тавастов и карелов. Линия, проведенная от Выборга к северо-западу от Ботнического залива, составляет границу между этими двумя народами. Тавасты ближе к морю, карелы же живут к востоку от вышеуказанной границы и образуют большинство внутреннего населения страны. Север ее занят лопарями, которых считают первобытным населением Финляндии. Сначала они жили, по-видимому, значительно южнее, на берегах озер Ладожского и Онежского. Они называют себя или саме, или самеедна, и дали Финляндии ее первое прозвище Суоми, под которым она была известна и древнейшим русским славянам, назвавшим ее Суом. Финны живут также и в Петербургской губернии, где они носят различные обозначения. Наиболее распространенные – тжоры, тингри и чухна. Это последнее назва-

С присоединением Польши и Финляндии Россия стала не только морской державой, владеющей всеми восточными побережьями Балтийского моря, но и второй по размерам своей территории и по числу своих жителей империей в мире (первое место принадлежит Великобритании).

ние весьма часто употребляется жителями столицы в оскорбительном смысле по отношению к прислуге и к простолюдинам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.